

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
17 February 2000
Russian
Original: English/French/Spanish

Комиссия международного права

Пятьдесят вторая сессия

Женева, 1 мая — 9 июня и

10 июля — 18 августа 2000 года

Третий доклад об односторонних актах государств, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Виктором Родригесом Седеньо

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Введение	1–27	3
I. Общие замечания и схема построения третьего доклада	1–7	3
II. Предварительные вопросы	8–27	4
A. Актуальность темы	9–14	4
B. Взаимосвязь между проектом статей об односторонних актах и Венской конвенцией 1969 года о праве международных договоров	15–22	5
C. Эстоппель и односторонние акты	23–27	6
Часть первая. Переработка статей 1–7 предыдущего проекта статей	28–167	7
I. Общие замечания	28–29	7
II. Определение одностороннего акта государства	30–80	7
A. Замечания Специального докладчика	30–79	7
1. Намерение государства, совершающего акт	32–36	7
2. Использование термина «акт»	37–47	8
3. Правовые последствия одностороннего акта	48–59	10
4. Вопрос о «самостоятельности» одностороннего акта	60–69	12
5. «Недвусмысленный» характер одностороннего акта	70–77	13
6. Вопрос о «гласности» одностороннего акта	78–79	14

	В. Новый проект статьи 1: Определение одностороннего акта	80	14
III.	Снятие предыдущего проекта статьи 1, озаглавленного «Сфера применения проекта статей»	81–85	15
IV.	Целесообразность включения в проект статьи, основанной на статье 3 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров	86–90	15
V.	Правоспособность государства формулировать односторонние акты	91–92	16
	А. Замечания Специального докладчика	91	16
	В. Новый проект статьи 2: Правоспособность государства формулировать односторонние акты	92	16
VI.	Лица, правомочные совершать односторонние акты от имени государства	93–115	16
	А. Замечания Специального докладчика	93–114	16
	В. Новый проект статьи 3: Лица, правомочные совершать односторонние акты от имени государства	115	19
VII.	Последующее подтверждение акта, совершенного лицом, не имеющим на то правомочия	116–121	19
	А. Замечания Специального докладчика	116–120	19
	В. Новый проект статьи 4: Последующее подтверждение акта, совершенного лицом, не имеющим на то правомочия	121	20
VIII.	Снятие предыдущего проекта статьи 6, озаглавленного «Выражение согласия»	122–133	20
	А. Целесообразность снятия этого проекта статьи	122–125	20
	В. Молчаливое согласие и односторонние акты	126–133	20
IX.	Недействительность одностороннего акта	134–167	21
	А. Замечания Специального докладчика	134–166	21
	В. Новый проект статьи 5: Недействительность одностороннего акта	167	25

Введение

I. Общие замечания и схема построения третьего доклада

1. Тема односторонних актов государств представляется особенно сложной в силу, прежде всего, многообразия таких актов с точки зрения их существа, что затрудняет выработку общих норм, которые были бы применимы по отношению ко всем ним.

2. Для продвижения вперед в работе, проводимой Комиссией, особенно с 1996 года, крайне важно должным образом учитывать комментарии и замечания, высказывавшиеся членами Комиссии и правительствами как в письменном виде, так и в ходе выступлений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи.

3. После представления докладов по этой теме в 1998¹ и 1999 годах² и с учетом таких комментариев и замечаний сейчас представляется уместным представить в этом третьем докладе — в его первой части, в которой уточняются, дополняются и даже пересматриваются некоторые из ранее излагавшихся концепций, и в его второй части — некоторые проекты статей и соответствующие комментарии по вопросам, которые сама Комиссия предложила для рассмотрения.

4. Следует напомнить, что на своей пятидесят первой сессии Комиссия рассматривала эту тему на своих 2593–2596-м заседаниях. По просьбе Специального докладчика Комиссия создала Рабочую группу со следующими задачами: «а) договориться по основным элементам рабочего определения односторонних актов в качестве отправной точки для будущей работы по этой теме, а также собрать информацию о соответствующей практике государств; б) определить общие установки, в соответствии с которыми должен проводиться сбор информации о практике государств; и с) наметить направление дальнейшей работы Специального докладчика»³. Рабочая группа

представила доклад⁴, в котором сформулированы интересные комментарии, должным образом учтенные при подготовке третьего доклада, и по которому Комиссия провела интересные прения⁵.

5. Хотя доктрина и юриспруденция, относящиеся к этой теме, были рассмотрены самым всесторонним образом, практика была принята во внимание лишь относительно. Для облегчения своего исследования, материалы которого порой бывает трудно систематизировать, Комиссия, как известно, просила Секретариат в консультации со Специальным докладчиком направить правительствам вопросник относительно их практики в области принятия односторонних актов, в особенности относительно категорий односторонних актов, правомочия действовать от имени государства посредством односторонних актов, формальностей, сопровождающих односторонние акты, их содержания, правовых последствий, важности, пользы и значения, норм толкования, применимых к односторонним актам, а также периода действия односторонних актов и возможности их отмены⁶. Секретариат направил указанный вопросник всем правительствам 30 сентября 1999 года, и Генеральная Ассамблея в пункте 4 своей резолюции 54/111 от 9 декабря 1999 года предложила правительствам представить самое позднее к 1 марта 2000 года в письменном виде ответы на этот вопросник. Следует отметить, что некоторые делегации в Шестом комитете ссылались на конкретные аспекты этой темы, затронутые в вышеуказанном вопроснике⁷.

6. Хотя ко времени подготовки настоящего доклада информация от правительств не была получена, был проведен анализ некоторой практики государств, как она отражена, в частности, в различных специализированных публикациях в ряде стран.

7. Третий доклад подразделяется, как было указано выше, на две части, которым предшествуют три предварительных вопроса, требующих рассмотрения: во-первых, вопрос об актуальности

¹ Документ A/CN.4/486.

² Документ A/CN.4/500 и Add.1.

³ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/54/10), пункт 581.*

⁴ Там же, пункты 577–597.

⁵ См. A/CN.4/SR.2602.

⁶ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10, (A/54/10), пункты 593 и 594.*

⁷ См. A/CN.4/504, пункты 146–156.

данной темы; во-вторых, вопрос о взаимосвязи между проектом статей об односторонних актах и Венской конвенцией 1969 года о праве международных договоров; и, в-третьих, вопрос об эстоппеле (estoppel) и односторонних актах. После рассмотрения этих трех вопросов третий доклад составлен по следующей схеме:

Часть первая:

Переработка статей 1–7 предыдущего проекта статей

1. Новый проект статьи 1: Определение одностороннего акта.
2. Снятие предыдущего проекта статьи 1, озаглавленного «Сфера применения проекта статей».
3. Целесообразность включения в проект статьи, основанной на статье 3 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров.
4. Новый проект статьи 2: Правоспособность государства формулировать односторонние акты.
5. Новый проект статьи 3: Лица, правомочные совершать односторонние акты от имени государства.
6. Новый проект статьи 4: Последующее подтверждение акта, совершенного лицом, не имеющим на то правомочия.
7. Снятие предыдущего проекта статьи 6, озаглавленного «Выражение согласия».
8. Новый проект статьи 5: Недействительность односторонних актов.

Часть вторая:

Новые проекты статей по вопросам, не рассматривавшимся во втором докладе

1. Статья 6: Формулирование и правовые последствия одностороннего акта.
2. Статья 7: Обусловленный односторонний акт.
3. Статья 8: Соблюдение односторонних актов: обоснование их обязательного характера. *Acta sunt servanda.*

4. Статья 9: Толкование одностороннего акта.
5. Статья 10: Внесение поправок в односторонний акт и его изменение.
6. Статья 11: Продолжительность действия одностороннего акта.
7. Статья 12: Приостановление применения одностороннего акта.
8. Статья 13: Отмена одностороннего акта.

II. Предварительные вопросы

8. Прежде чем приступить к первой и второй частям доклада, представляется уместным вновь коснуться трех основных с точки зрения анализа односторонних актов государств вопросов, по которым следует занять твердую позицию, с тем чтобы можно было двигаться вперед в работе по этой теме.

A. Актуальность темы

9. Во-первых, как следует из почти единодушных мнений членов Комиссии и высказываний представителей правительств в Шестом комитете, вряд ли имеются какие-либо сомнения в отношении все более частого использования государствами односторонних актов в их международных отношениях, важного значения таких актов и необходимости разработки конкретных норм для регулирования их действия.

10. Как известно, Рабочая группа, созданная Комиссией на ее сорок девятой сессии в 1997 году, рассмотрела причины, по которым следует заняться изучением этих актов, подчеркнув при этом, что «в своих действиях в международной сфере государства часто совершают односторонние акты с намерением породить правовые последствия ...»⁸, и этим вопросам Комиссия вновь уделила внимание в 1997 и 1998 годах по предложению рабочих групп, созданных в ее рамках для рассмотрения данной темы.

⁸ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/52/10), пункт 196.*

11. Вопрос об источниках международного права, предложенный Секретариатом в 1949 году в качестве одной из тем для кодификации, не считается исчерпанным. В этой связи, как было указано в докладе, принятом Комиссией на ее сорок восьмой сессии по вопросу о долгосрочной программе работы, среди предложенных тем тема односторонних актов представляется подходящим предметом для рассмотрения в ближайшее время. В то время Комиссия сочла, что данная тема имеет довольно четкие очертания, что государства активно прибегают к односторонним актам и что их практику можно изучить в целях разработки общих правовых принципов⁹.

12. На пятьдесят первой сессии высказывались суждения в пользу рассмотрения этого вопроса. Один из членов Комиссии указал тогда на то, что такие акты являются наиболее широко распространенным средством осуществления ежедневной дипломатии, и как в литературе, так и на практике существует неопределенность в отношении применимого к ним правового режима. Поскольку обеспечение стабильности и предсказуемости в международных отношениях является задачей международного права, необходим какой-то режим для недопущения того, чтобы односторонние акты становились источником споров или даже конфликтов ...»¹⁰.

13. В Шестом комитете некоторые представители подчеркивали актуальность этой темы, и в этой связи было отмечено, что эта сложность порождается как в концептуальной, так и в практической сферах международного права не только чрезвычайно большим разнообразием односторонних актов, но и их вездесущностью в международных отношениях, тем, что они представляют собой имеющееся у государств самое прямое средство выразить свою волю и проводить свою повседневную дипломатическую деятельность. Практика государств и прецеденты подтверждают, что такие акты способны вызывать правовые последствия, порождающие права и обязанности государств¹¹.

14. Таким образом, как представляется, нет никаких сомнений в отношении уместности проводимой работы и необходимости продвижения вперед, с тем чтобы откликнуться на просьбу Генеральной Ассамблеи и обеспечить преемственность работы в самой Комиссии.

В. Взаимосвязь между проектом статей об односторонних актах и Венской конвенцией 1969 года о праве международных договоров

15. Во-вторых, также в предварительном плане, следует еще раз обратить внимание на важное значение Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров в качестве важнейшего источника вдохновения для работы Комиссии по этой теме.

16. По мнению некоторых членов Комиссии и представителей в Шестом комитете, рассмотрение этой темы было до сих пор слишком приближенным к Конвенции 1969 года, в то время как другие представители, напротив, считают, что работа над темой односторонних актов слишком отдалена от права международных договоров, и даже указывает на необходимость рассмотрения и Конвенции 1986 года.

17. В ранее представленных по этой теме докладах указывалось, что Венская конвенция 1969 года о праве международных договоров является весьма полезным источником вдохновения для работы, которая ведется по этой теме в Комиссии. Об этой взаимосвязи говорили различные члены Комиссии¹² и представители ряда государств в Шестом комитете, причем некоторые из них солидаризировались с высказываниями Специального докладчика, а другие, как уже указывалось выше, подчеркивали, что помимо Венской конвенции 1969 года необходимо установить тесную связь и с Конвенцией 1986 года. Третьи же, напротив, доказывали, что нет необходимости так близко следовать Конвенции 1969 года с учетом существующих различий между договорным актом и односторонним актом¹³.

⁹ Там же, *шестьдесят первая сессия, Дополнение № 10* (A/51/10), приложение II, добавление 3, пункты 1-3.

¹⁰ См. A/CN.4/SR.2595, стр. 9 оригинала, заявление г-на Хафнера.

¹¹ См. A/CN.4/504, пункт 115.

¹² *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10* (A/54/10), пункты 534-535.

¹³ См. A/CN.4/504, пункты 140-145.

18. В докладе по вопросу о долгосрочной программе работы, принятом Комиссией в 1996 году, указывается, что «хотя право договоров и право, применимое к односторонним актам государств, во многих отношениях разнятся, существующее право договоров, вне всякого сомнения, вполне может послужить хорошей отправной точкой и полезной схемой, ориентируясь на которую можно заняться нормами, относящимися к односторонним актам»¹⁴.

19. Несомненно, что, хотя при представлении второго доклада в Комиссии в 1999 году указывалось, что очень важной основой для работы по теме односторонних актов является Венская конвенция 1969 года о праве международных договоров¹⁵, это отнюдь не означает, что все нормы указанной Конвенции автоматически переносятся в проект статей.

20. Конечно же, отправной критерий должен быть гибким и учитывать специфичность односторонних актов, характеризующихся, как прекрасно известно, главным образом тем, что они формулируются в одностороннем порядке, без участия тех, на кого они направлены. Разумеется, что между этими двумя категориями актов существуют значительные различия в указанном отношении, но не менее справедливо и то, что имеются общие элементы, которые необходимо принять во внимание в данном исследовании.

21. По нашему мнению, следовать методологии и структуре Конвенции 1969 года, на которой базируется и Конвенция 1986 года, вполне уместно. Необходимо подчеркнуть и целесообразность надлежащего учета как работы Комиссии над проектом Конвенции по праву международных договоров, так и связанных с этим прений в Шестом комитете и на Венской дипломатической конференции, которые отражают суть разработанных в то время норм.

22. Следовательно, данный вопрос необходимо решить окончательно, согласившись с гибким параллелизмом с работой в области права международных договоров и Конвенцией 1969 года,

адаптированным к той категории актов, которой мы сейчас занимаемся.

С. Эстоппель и односторонние акты

23. В-третьих, прежде чем приступить к рассмотрению первой части настоящего доклада, которая представляет собой в целом краткое изложение хода рассмотрения этой темы, представляется уместным сделать краткую ссылку на вопрос об эстоппеле и на его связь с односторонними актами — вопрос, на который в разное время ссылались представители различных правительств в Шестом комитете.

24. Принцип процессуального отвода, или эстоппель, либо доктрина собственных действий, как этот принцип именуется в испанском праве, представляет собой общий принцип права, действительность которого в международном праве была признана повсеместно, о чем можно судить по различным судебным решениям, в частности постановлениям Международного Суда по *арбитражному решению, вынесенному королем Испании*¹⁶, и по *храму Преа Вихеар*¹⁷, в отношении которых высказывались комментарии в предыдущих докладах.

25. Нет никаких сомнений в отношении той связи, которая может существовать между односторонними актами и актами, связанными с эстоппелем. Акт, который может вызвать обращение к эстоппелю, — это односторонний акт государства, однако его значение должно рассматриваться в ином контексте, чем определение — возможно, в контексте применения одностороннего акта.

26. Необходимо подчеркнуть, что эстоппель может вытекать не только из какого-либо акта, но и из бездействия, как это имело место в деле о *храме Преа Вихеар*, в связи с которым Суд указал, что «даже если имеются сомнения в отношении согласия Сиам в 1908 году с этой картой и, следовательно, с указанной на ней границей, Суд, с учетом последующего развития событий, считает, что Таиланд в силу своего собственного поведения не может сейчас утверждать, что он не согласился с этой картой. На протяжении 50 лет он пользовался всеми теми выгодами, которые давал ему Договор

¹⁴ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/51/10), приложение II, добавление 3, пункт 3.*

¹⁵ Там же, *пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/54/10), пункт 567.*

¹⁶ *C.I.J., Recueil, 1960, págs. 213 a 214.*

¹⁷ *C.I.J., Recueil, 1962, págs. 23 a 32.*

1904 года, хотя бы такой выгодой, как стабильная граница. Франция и ... Камбоджа исходили из согласия Таиланда с этой картой...»¹⁸. В этом деле Суд применил эстоппель, однако Таиланд счел, как это было указано его представителем на Венской конференции 1968–1969 годов, что «Таиланд стал жертвой применения Международным Судом эстоппеля...»¹⁹. В деле *об арбитражном решении, вынесенном королем Испании*, Суд также указал, что «Никарагуа своими ясными заявлениями и своим поведением показала, что она признала это решение...»²⁰.

27. Как уже указывалось в предыдущих докладах, необходимо учитывать то, что акты и деяния, связанные с эстоппелем, не имеют своей явной целью создание юридического обязательства для применяющего его государства; кроме того, отличительным элементом эстоппеля является не поведение государства, а то доверие, которое оно вызывает у другого государства.

Часть первая: Переработка статей 1–7 предыдущего проекта статей

I. Общие замечания

28. Как указывалось самой Комиссией, смысл работы Специального докладчика заключается, вне всякого сомнения, в том, чтобы облегчить рассмотрение этой темы Комиссией на основе его докладов, в которых должны учитываться не только доктрины, юриспруденция и практика государств, но и комментарии, высказанные членами Комиссии и представителями правительств как в письменном виде, так и на Генеральной Ассамблее²¹.

¹⁸ C.I.J., *Recueil*, 1962., pág. 32.

¹⁹ Declaración del señor Suphamongkhon. Cit. Verhoeven, J., *Cours sur les nullités en droit des gens* (Paris, IHEI, 1979–80), pag. 83.

²⁰ C.I.J., *Recueil*, 1960, pág. 213.

²¹ В отношении функций Специального докладчика см. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 10* (A/51/10), пункты 186–202.

29. С учетом вышесказанного мы обращаемся в первой части доклада к **определению одностороннего акта**, которое раньше содержалось в проекте статьи 2, с тем чтобы предложить его новую редакцию. Кроме того, здесь рассматривается вопрос о том, есть ли необходимость сохранить в проекте статью 1, касающуюся сферы применения проекта статей, и целесообразно ли включать положение, основанное на статье 3 Венской конвенции 1969 года, которая касается юридической силы соглашений и норм международного права, применимых к международным соглашениям, не входящим в сферу применения этой Конвенции.

II. Определение одностороннего акта государства

A. Замечания Специального докладчика

30. Одним из самых сложных вопросов, стоящих перед Специальным докладчиком и перед Комиссией, является вопрос об **определении одностороннего акта** государства, на основе которого должен строиться проект статей, касающихся односторонних актов государств. Для продвижения вперед в нашей работе по этой теме необходимо достичь окончательной договоренности в отношении определения этого акта государства.

31. В частности, следует вновь рассмотреть такие вопросы, как:

- a) намерение государства, совершающего акт;
- b) использование термина «акт», который, по мнению большинства, является более широким, чем термин «заявление»;
- c) правовые последствия таких актов: права и обязанности;
- d) самостоятельность или независимость таких актов;
- e) «недвусмысленный» характер одностороннего акта;
- f) вопрос о «гласности» одностороннего акта.

1. Намерение государства, совершающего акт

32. С самого начала рассмотрения этой темы были отброшены определенные виды поведения государства и были подвергнуты обстоятельному анализу различные односторонние акты государства, в результате чего был сделан вывод о том, что некоторые из них могут вызывать правовые последствия и именно это отличает их от других актов, которые носят чисто политический характер и, следовательно, не порождают таких последствий, что отнюдь не умаляет их значения в международных отношениях.

33. Некоторые односторонние акты, как прекрасно известно, вызывают или могут вызывать правовые последствия на международном уровне, а другие — и их нужно четко отделить — имеют лишь чисто политический интерес. Мы полностью осознаем, насколько трудно провести различие между такими категориями актов не только с концептуальной точки зрения, но и по самому характеру акта. Представляется трудным устанавливать во всех случаях, вызывает ли тот или иной акт правовые последствия или нет, т.е. был ли он сформулирован с таким намерением или нет.

34. Намерение автора акта имеет основополагающее значение, и это заявление не перестает вызывать некоторую обеспокоенность в плане тех трудностей, которые возникают в связи с невозможностью установления такого намерения во всех случаях. Можно утверждать, как это было сделано одним из представителей в Шестом комитете, что все акты государства носят, в принципе, и политический характер и что некоторые из них могут быть также юридическими по своему характеру, если таково намерение государства, формулирующего их²², хотя и было признано, что намерение всегда трудно доказать и что даже, по мнению некоторых, государства могут совершать односторонние акты, не зная об этом²³, но с этим последним критерием мы не можем согласиться, если исходить из того, что юридический акт проявляется в волеизъявлении и что он отражает намерение государства.

35. Мы не можем говорить об одностороннем акте в том смысле, в котором он нас интересует, если государство не понимает того, что при его формулировании оно принимает на себя

юридическое обязательство. Если государство не понимает того, что оно приняло на себя подобное обязательство, мы, скорее, имеем дело с видами поведения или деяниями, которые — не отрицая того, что они могут вызывать правовые последствия, — не могут рассматриваться как правовые акты в строгом смысле этого термина.

36. Несмотря на те сомнения, которые может вызывать этот критерий с точки зрения установления наличия одностороннего акта, вызывающего правовые последствия, мы считаем, что ссылка на намерение государства является абсолютно обоснованной.

2. Использование термина «акт»

37. Термин «**односторонний акт**», используемый в новом проекте статьи 1, который заменяет собой термин «**одностороннее заявление**», использовавшийся в предыдущем тексте, помогает устранить определенную обеспокоенность, выражавшуюся некоторыми членами Комиссии и некоторыми представителями в Шестом комитете, хотя следует отметить, что в рабочем определении, принятом Рабочей группой и Комиссией в 1999 году, содержится ссылка на одностороннее заявление.

38. Следует напомнить, что термин «одностороннее заявление» уже встречался в ходе предыдущей работы Комиссии, хотя он и использовался в контексте права международных договоров. В проекте статьи 22, представленном Специальным докладчиком сэром Джеральдом Фитцморисом в его пятом докладе в 1960 году, говорится, что «когда какое-либо государство делает одностороннее заявление в пользу одного или нескольких государств или всех остальных государств либо заявление, посредством которого оно принимает на себя обязательства в отношении их, в такой форме или в таких обстоятельствах, в которых, в соответствии с общими нормами международного права, государство-заявитель принимает на себя непреложное юридическое обязательство, другое государство или другие государства могут с полным правом требовать выполнения изложенного в таком заявлении»²⁴.

²² См. A/CN.4/504, пункт 119.

²³ Там же, пункт 120.

²⁴ Ежегодник Комиссии международного права, 1960 год, том II, документ A/CN.4/130, статья 22: «Односторонние заявления, наделяющие правами»

39. Эта формулировка не утратила своей значимости для исследования односторонних актов, хотя она и находится в той части проекта статей, представленных Специальным докладчиком, которая касается последствий *in favorem*, вытекающих из действий сторон или какой-либо одной стороны договора.

40. Комментарии в отношении термина «заявление» являются, по нашему мнению, полезными, поскольку, как мы уже указывали, большинство, а то и все односторонние акты государства формулируются посредством заявлений, которые, в свою очередь, отражают различные существенные действия, как-то: протест, осуждение, признание, обещание и объявления войны, прекращения военных действий и нейтралитета, среди многих других.

41. Односторонний акт может приобретать различные формы. Акты, сформулированные посредством устных заявлений, или посредством письменных заявлений, могут проявляться на практике. Заявление, с помощью которого какое-либо государство формулирует односторонний акт, не обязательно обличено в письменную форму. По сути дела, на практике отмечаются случаи, когда некоторые односторонние заявления были сформулированы устно, а затем были подтверждены в письменной форме, как это было в случае заявления, сформулированного министром иностранных дел Норвегии Иленом 22 июля 1919 года.

42. Односторонние акты, касающиеся прощения внешнего долга некоторых стран, являются хорошим примером практики государств в последнее время. Речь идет об односторонних актах, сформулированных каким-либо внутригосударственным органом и доведенных до сведения государств-адресатов посредством органов внешних сношений государства-автора такого заявления.

43. Если взять, например, Испанию, то после урагана «Митч», который причинил огромный ущерб Центральной Америке, Совет Министров этой страны в своем решении от 28 ноября 1998 года постановил простить задолженность в рамках официальной помощи на цели развития

(ОПР) Гондурасу, Никарагуа, Сальвадору, Белизу и Доминиканской Республике, и этот акт был предан гласности посредством публикации в «Официальном бюллетене государства» и доведен до сведения соответствующих государств по дипломатическим каналам.

44. Можно утверждать, что акт, совершенный Испанией, представляет собой односторонний акт, сформулированный компетентным органом государства, преданный огласке и доведенный до сведения адресата, с намерением вызвать правовое последствие на международном уровне.

45. С другой стороны, одностороннее заявление в письменной форме может также быть издано и предано гласности или доведено до сведения адресата посредством различных документов. Речь идет не только о декларациях или сообщениях, которые мы могли бы назвать односторонними, хотя в их разработке участвуют два или более государств, как, например, Совместное заявление правительств Мексики и Венесуэлы, упоминавшееся в первом докладе, но и о том, что такие односторонние заявления могут формулироваться посредством сообщения для печати, издаваемого каким-то государством, как, например, в случае акта о признании, сформулированного правительством Венесуэлы в сообщении для печати от 3 сентября 1998 года, в котором оно «постановило признать Организацию освобождения Палестины в качестве законного представителя палестинского народа ...»²⁵.

46. В этой связи следует указать на то, что форма не влияет на юридическую значимость, которую может иметь какой-либо международный акт, поскольку самым главным является установление воли государства или государств взять на себя юридическое обязательство, как это было подчеркнуто Международным Судом в деле об Эгейском море, когда он счел, что сообщение для печати, изданное по завершении встречи министров иностранных дел, может отражать соглашение между сторонами, независимо от его содержания²⁶, и этот критерий полностью применим в контексте

другие государства», пункт 1.

²⁵ Libro Amarillo de la República de Venezuela (Caracas, Ministerio de Relaciones Exteriores, 1998), pág. 1020.

²⁶ Caso relativo a la Plataforma Continental del Mar Egeo (competencia), Fallo del 19 de diciembre de 1978, C.I.J. Recueil 1978, parrr. 100 a 108.

односторонних актов, когда издается неподписанное заявление, которое, однако, отражает, если это следует из его толкования, намерение государства взять на себя обязательство в отношении другого или других государств либо одной или нескольких международных организаций.

47. Несмотря на все вышесказанное, с учетом широко распространенного мнения используется термин «акт», который для многих представляется более широким и менее ограничительным и устраняет те сомнения, которые могут возникать по поводу возможного исключения из сферы действия проекта некоторых актов, отличных от заявления, которые трудно определить, хотя кое-кто считает по-иному²⁷. Тем самым выполняется возложенный на Комиссию мандат в отношении рассмотрения темы односторонних актов государств.

3. Правовые последствия одностороннего акта

48. В проекте статьи 2, представленном во втором докладе, уточнялось, что продемонстрированное намерение было связано с обязательствами, которые берет на себя государство-автор в отношении другого или других государств либо одной или нескольких международных организаций, но при этом не делалось общей ссылки на правовые последствия. Эти правовые последствия, в действительности, могут охватывать не только принятие обязательств, но и приобретение прав.

49. Государство, которое формулирует односторонний акт, может либо брать на себя обязательства, либо подтверждать свои права. Вместе с тем, посредством одностороннего акта государство не может налагать обязательства на другое государство или на международную организацию без их согласия, что находит свое обоснование в четко установленном и принятом общем принципе права, применяемом в сфере обычного права, а именно *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, который должен рассматриваться одновременно с таким же признанным принципом *res inter alios acta*, который имеет своим

непосредственным следствием то, что сфера применения какого-либо договора ограничивается, в принципе, сторонами этого договора. В принципе, как указывает Руссо, «договоры имеют лишь ограниченное воздействие. Они не могут ни идти во вред, ни благоприятствовать третьим сторонам. Их правовые последствия строго ограничены кругом подписавших их сторон»²⁸.

50. Этот тезис подтверждается и в практике, например, в недавнем заявлении правительства Никарагуа в отношении Договора о делимитации морского пространства Карибского моря, заключенного между Гондурасом и Колумбией, который затрагивал бы права Никарагуа; в этом заявлении говорится, что «по мнению Никарагуа, этот договор представляет собой то, что в юриспруденции именуется *res inter alios acta*, т.е. он не создает никаких прав для Гондураса или для Колумбии в том, что касается Никарагуа ... кроме того, одна из норм международного обычного права и права международных договоров предусматривает, что правовой документ не создает ни обязательств, ни прав для третьего государства без его согласия»²⁹.

51. Юриспруденция, которая находит свое отражение в некоторых случаях, также является абсолютно ясной на этот счет, о чем можно судить, в частности, по решениям Постоянной Палаты Международного Правосудия по делам *о германских интересах в Верхней Силезии*³⁰ и *в свободных зонах*³¹.

52. В доктрине почти однозначно формулируется то, что государство не может налагать обязательств на другое государство без его согласия. Так, как указывал Ж.-М. Дюпюи, «по сути дела, классический волюнтаристский позитивизм рассматривает как принципиальное препятствие то, что государство путем одностороннего волеизъявления может воздействовать на волеизъявление других в равной степени

²⁷ Представитель Швейцарии в Шестом комитете указал, что «этот (односторонний) акт часто, хотя и не всегда, принимает форму заявления». См. L. Caflisch, «Pratique suisse», *Annuaire Suisse de droit international et de droit europeen*, 4/5/99, пág. 651.

²⁸ Charles E. Rousseau, *Droit International Public* (Paris, Sirey, 1970), tome I, págs. 453 y 454.

²⁹ См. *Consideraciones sobre un tratado entre terceros Estados que pretende lesionar la soberania de Nicaragua* (Managua, Ministerio de Relaciones Exteriores de Nicaragua, Managua, diciembre de 1999), Parte IV: Conclusiones.

³⁰ CPJI, Serie A, No. 7, пág. 29.

³¹ CPJI, Serie A/B, No. 46, пág. 141.

суверенных государств»³². Государство, по сути дела, может действовать односторонним образом в порядке осуществления своих суверенных прав, но целью этого может быть лишь подтверждение его прав, но не приобретение новых прав в плане установления обязательств для третьих сторон без их согласия. Как указывалось Скубизевским, «односторонний акт не может налагать обязательств на другие государства, хотя он и может приводить в действие определенные обязанности, лежащие на этих государствах в силу общего международного права или существующих договоров...»³³.

53. Вместе с тем, анализ практики указывает на то, что государство может устанавливать обязательства посредством формулирования одностороннего формального акта, если это устраивает государства-адресаты, как это бывает в случае заявлений о нейтралитете, хорошим примером которых является заявление, сформулированное правительством Австрии³⁴.

³² J.-M. Dupuy, *Droit International Public* (Paris, 1985), pág. 335.

³³ K. Skubiszewski, "Unilateral Acts of States", in M. Bedjaoui, ed., *International Law: Achievements and Prospects* (1991), págs. 246-247.

³⁴ Что касается одностороннего акта правительства Австрии, см. Karl Zemanek, "Unilateral Legal Acts Revisited", on *International Law: Theory and Practice: Essays in Honour of Prig Suy* (The Hague's Boston, Mass., Nijhoff), págs. 212 a 213. «...Односторонние акты, которые устанавливают обязательства только для государства -автора, не требуют формального признания для того, чтобы приобрести юридическую силу. Однако, если односторонние акты затрагивают другие государства, они должны быть доведены до их сведения и получены ими, с тем чтобы другие государства имели возможность отреагировать на них. Отдельной категорией являются односторонние акты, которые имплицитно могут затрагивать права других государств. В этом случае они требуют принятия или по меньшей мере подтверждения для приобретения юридической силы. Следующий пример указывает на трудность точного определения: 6 ноября 1990 года правительство Австрии в ноте, адресованной четырем странам, подписавшим ее «Государственный договор» 1955 года (Франция, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Союз Советских Социалистических Республик), объявило, что шесть статей этого договора устарели. В этом заявлении, как представляется, излагался уже совершившийся факт. В поддержку этого правительство Австрии доказывало, что статьи

Один из членов Комиссии указал в этой связи на то, что «заявление о нейтралитете... не влечет за собой последствий для других государств, если они его не одобряют...»³⁵.

54. Государство может также устанавливать обязательства для другого государства или других государств посредством одностороннего акта, который порой имеет внутреннее происхождение, но является применимым в международной сфере, в соответствии с международным правом. Такими являются уже прокомментированные односторонние заявления относительно осуществления суверенных прав, особенно в том, что касается исключительной экономической зоны, обоснованием которой является норма общего международного права, признанная в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, хотя, по мнению некоторых авторов, эти акты скорее относятся к сфере внутригосударственного, чем международного права³⁶.

55. Возможна также и ситуация, когда права, приобретенные каким-либо государством на основании ранее заключенного соглашения, могут быть подорваны односторонним актом другого государства, как это было, например, в случае односторонних мер, принятых правительством Никарагуа на основе статей XXI(b)(iii) ГАТТ от 1994 года и XIV бис (1)(b)(iii) Генерального соглашения о торговле услугами.

касались ранее существовавшей ситуации в Германии, которая изменилась на основании договора от 12 сентября 1990 года между Германией и теми же четырьмя державами. Этот новый договор демонстрирует, по мнению правительства Австрии, изменение мнений указанных держав в отношении их прав; более того, эти статьи никогда не применялись. Хотя ответ правительства Соединенных Штатов в отношении того, что «Соединенные Штаты согласны с точкой зрения правительства Австрии», поддерживает декларативный характер австрийского заявления, ответ СССР о том, что советское правительство «не возражает», или ответ французского правительства о том, что «оно дает свое согласие... на австрийское сообщение», как представляется, указывают скорее на консультативный односторонний акт, требующий принятия».

³⁵ М. Катек, A/CN.4/SR.2596, стр. 13.

³⁶ Paul Reuter, *Droit International Public*. PUF (Paris, 1993), pág. 144.

56. В этом случае Никарагуа приняла односторонние меры, затрагивающие права Колумбии и Гондураса, исходя из того, что ее национальная безопасность была поставлена под угрозу в результате заключения между этими двумя странами Договора о делимитации морского пространства Карибского моря, подписанного 2 августа 1986 года, и по этому вопросу сейчас ведутся консультации во Всемирной торговой организации (ВТО).

57. Правительство Никарагуа приняло специальные меры в отношении импорта продуктов из Колумбии и Гондураса, что затрагивает те права, которые эти страны приобрели в силу ранее заключенных всемирных и субрегиональных торговых соглашений. Но и в этом случае речь не идет об установлении обязательств для третьих сторон посредством одностороннего акта, а лишь об умалении ранее приобретенных прав на основе ранее существовавших договорных положений, допускающих исключения из установленного режима, примером чего является вышеуказанная статья ГАТТ от 1994 года.

58. Еще одним вопросом, на котором нужно вновь остановиться, хотя на него уже ссылались раньше, является принятие одним или несколькими государствами односторонних мер на основе внутригосударственных нормативных актов, не имеющих обоснования в ранее существовавших соглашениях или в какой-либо норме международного права. Таким является, например, случай с торговой блокадой, устанавливаемой в одностороннем порядке каким-либо государством, в частности уже комментировавшийся закон Хелмса-Бэртона, посредством которого одно государство намеревается установить обязательства для других государств, что, по общему мнению, противоречит нормам международного права.

59. Термин «вызвать правовые последствия», который представляется более широким, поскольку охватывает различные ситуации, не может рассматриваться как положение, позволяющее, чтобы государства посредством таких актов налагали обязательства на другие государства без их согласия, хотя, несомненно, они могут подтверждать такие обязательства. Во время представления доклада Рабочей группе, созданной в 1999 году, Специальный докладчик указал на то, что «как явствует из обсуждений в Комиссии и в

Рабочей группе, общий вывод заключается в том, что более хорошей формулировкой была бы фраза «с намерением вызывать правовые последствия в международной сфере»³⁷.

4. Вопрос о «самостоятельности» одностороннего акта

60. Еще одним вопросом, заслуживающим особого внимания, является такая отличительная черта этих актов, как их независимость. Можно утверждать, с одной стороны, что односторонние акты не зависят от какого-либо предшествующего акта, т.е. от имевшего место ранее волеизъявления, хотя, разумеется, любой односторонний акт имеет обоснование в международном праве, и, с другой стороны, что односторонние акты вызывают правовые последствия независимо от того, согласен ли с ними адресат или нет, и по этому вопросу в Комиссии были высказаны вполне определенные позиции и критерии.

61. Критерий такого рода не может пониматься в достаточно широком смысле. Разумеется, правовой акт связан с ранее принятыми нормами, особенно с нормами общего международного права, однако такая широкая постановка вопроса не может служить отправной точкой для определения самостоятельности акта. Речь идет о том, чтобы с помощью этого критерия исключить акты, связанные с другими режимами, например все акты, связанные с правом международных договоров.

62. Односторонний акт, которым мы сейчас занимаемся, возникает всегда в момент его формулирования и, вместе с тем, тогда, когда выполняются все существующие требования в отношении его действительности, и при этом не требуется ни его принятия, ни какого-либо схожего акта или действия со стороны государства или государств либо организации или организаций, на которых он направлен.

63. В предыдущих докладах было сочтено уместным использовать термин «самостоятельный», что вызвало определенные возражения со стороны ряда членов Комиссии при обсуждении второго доклада и особенно при обсуждении проекта доклада Рабочей группы, созданной в 1999 году. Некоторые члены Комиссии указывали тогда на то,

³⁷ См. A/CN.4/SR.2603, стр. 3.

что идея самостоятельности не является существенно важной³⁸; что понятие самостоятельности не имеет никакого отношения к определению одностороннего правового акта³⁹; что вопрос о том, является ли односторонний акт самостоятельным или нет, имеет второстепенное значение⁴⁰; что от этого термина «следует отказаться»⁴¹; и что термин «самостоятельный» неясен⁴². Вместе с тем — и это отражает сложность данного вопроса — другие члены Комиссии считали, что «если акт является односторонним, элемент самостоятельности имплицитно подразумевается»⁴³; и что «самостоятельность является важной отличительной чертой односторонних актов»⁴⁴.

64. Несомненно, вопрос о самостоятельности как составляющем элементе одностороннего акта, что нашло свое отражение в ходе прений в Комиссии, является крайне важным и сложным, и поэтому им следует продолжать заниматься самым тщательным образом. Как было предложено одним из членов Комиссии, «в проводимом исследовании, касающемся односторонних актов, следует подчеркнуть, что речь идет не об актах, связанных с правом международных договоров, и что существенными элементами являются односторонний характер акта и тот факт, что такие акты вызывают правовые последствия»⁴⁵.

65. Представители правительств в Шестом комитете также касались этого вопроса. Один из представителей, в частности, указал на то, что «автономия односторонних актов является полностью условной, поскольку создаваемое ими правовое обязательство порождается не односторонним выражением воли государства-автора, а скорее совместимостью этой воли и интересов других государств. Невозможно представить себе — утверждали некоторые, — что тот или иной односторонний акт имел бы правовые последствия в отношениях между его автором и другим субъектом международного права, если бы

последний выступил с возражениями. Кроме того, государство, которое делает одностороннее заявление, принимает во внимание реакцию тех, кому оно адресовано»⁴⁶.

66. Другие представители в Шестом комитете считали, что четкая ссылка на термин «самостоятельность» является вполне уместной. Один из представителей заявил тогда, что его делегация согласна с концепцией самостоятельности ... в качестве первого шага на пути к разграничению сферы применения односторонних актов⁴⁷, и поставил под сомнение целесообразность отказа от этого термина, как это было предложено Комиссией.

67. Некоторые авторы в появившихся недавно статьях также считают, что этот термин вполне уместен для определения тех актов, которые не входят в сферу договорного права. Так, как указывалось Земанеком, «самостоятельные односторонние акты предназначаются для создания прав и/или обязательств в соответствии с международным правом для государства-автора». И далее он добавляет, что «некоторые самостоятельные односторонние правовые акты, такие, как признание, протест, объявления войны или нейтралитета и, возможно, отказ, представляют собой стандартные или типичные односторонние деяния»⁴⁸.

68. В соответствии с довольно распространенным критерием можно утверждать, что существует возможность того, что односторонний акт какого-либо государства может иметь независимую сферу действия. Международный Суд в своих известных решениях о ядерных испытаниях, которые, хотя они все еще дискутируются, имеют важное значение для изучения этой категории актов и на которые содержались обильные ссылки в предыдущих докладах, признает эту возможность, делая вывод о том, что такие акты могут влечь за собой правовые последствия независимо от признания адресатом, что отражает одну из форм самостоятельности, на которую делается ссылка⁴⁹.

³⁸ Г-н А. Пелле, A/CN.4/SR.2603.

³⁹ Г-н Э. Кандиоти, там же.

⁴⁰ Г-н Э. Аддо, там же.

⁴¹ Г-н Симма и г-н Дугард, там же.

⁴² Г-н Пелле, там же.

⁴³ Г-н Р. Розенсток, там же.

⁴⁴ Г-н И. Лукашук, там же.

⁴⁵ Г-н Кандиоти, там же.

⁴⁶ См. A/CN.4/504, пункт 127.

⁴⁷ Выступление представителя Чили в Шестом комитете, A/54/C.6/SR.16, пункт 11.

⁴⁸ Karl Zemanek, *op.cit.* (nota 33 *supra*), pág. 212.

⁴⁹ *Caso relativo a los ensayos nucleares (Australia vs. Francia)*. Fallo del 20 de diciembre de 1974, párrs. 42 a 60 y *Casos relativos a los ensayos nucleares (Nueva*

Нет оснований делать вывод о том, что, например, обещание не связывает государство, которое его формулирует, какой бы ни была позиция адресата, и в основе этого лежит принцип доброй воли и, в более конкретном плане, обязательство уважать убеждения, вытекающие из его поведения⁵⁰.

69. Хотя термин «самостоятельный» не включен в определение, изложенное в этом третьем докладе, можно понимать, что такие акты являются независимыми в указанном выше смысле, хотя данный вопрос заслуживает дальнейшего обсуждения в Комиссии с целью определения и ограничения таких актов⁵¹.

5. «Недвусмысленный» характер одностороннего акта

70. В определении одностороннего акта, содержащемся во втором докладе, уточнялось, что волеизъявление не только должно быть самостоятельным или независимым, но и должно быть сформулировано в недвусмысленной и публичной форме, и эти термины следует сейчас уточнить, с тем чтобы обосновать новый проект статей.

71. Что касается недвусмысленного характера акта, то возникает вопрос о том, должен ли этот характер быть связанным с волеизъявлением или с содержанием акта. Некоторые члены Комиссии указывали на то, что он должен иметь отношение к намерению, а другие члены Комиссии говорили о том, что он не отражает надлежащим образом практику государств при формулировании односторонних актов и проведении своей внешней политики.

72. Представляется необходимым установить связь с волеизъявлением, то есть важно установить, что необходимым аспектом является то, что акт должен быть сформулирован недвусмысленно.

73. Термин «недвусмысленный» может отождествляться с термином «определенность», как было указано одним из представителей в Шестом комитете, заявившим, что «очевидно, что об

одностороннем юридическом акте речь может идти только в той степени, в какой государство, которое его совершает, имеет определенное намерение вызвать нормотворческие последствия»⁵².

74. В Шестом комитете указывалось, что некоторые государства могут совершать односторонние акты, не зная об этом⁵³, и что это согласуется с некоторыми постулатами юриспруденции; эта точка зрения, как представляется, противоречит принятому постулату в отношении того, что акт основывается на намерении государства.

75. Как представляется, это утверждение, по сути дела, противоречит понятиям юридической безопасности и доверия в международных отношениях, которыми мотивируется проводимое Комиссией исследование об односторонних актах государств и разработка конкретных норм по регулированию их сферы действия.

76. Гарантия юридической безопасности, как представляется, может зиждиться только на базе уверенности, и этот термин вместе с термином «предсказуемость» также используется в докладе Рабочей группы 1997 года, одобренном Комиссией⁵⁴.

77. Поэтому было сочтено уместным включить в проект статьи 1, изложенный в настоящем докладе, термин «недвусмысленный» в увязке с волеизъявлением.

6. Вопрос о «гласности» одностороннего акта

78. Из прений по этому вопросу можно сделать вывод о том, что крайне необходимо, чтобы односторонний акт, сформулированный каким-либо государством, был по меньшей мере доведен до сведения самого адресата. Как указывалось некоторыми членами Комиссии и отдельными представителями в Шестом комитете, важно, чтобы адресат знал об акте, совершаемом в

Zelandia contra Francia), *Fallo del 20 de diciembre de 1974*, párrs. 45 a 63. *C.I.J. Recueil 1974*.

⁵⁰ Paul Reuter, *Droit International Public* (Paris, PUF, 1993), pág. 142.

⁵¹ Г-да Базна Суарис, Гая и Мелескану.

⁵² Выступление представителя Швейцарии в Шестом комитете в 1998 году, ссылка по L. Caflisch «La pratique suisse en droit international public», *Revue Suisse de droit international et europeen*, 4/5/1999, pág. 851.

⁵³ См. A/CN.4/504, пункт 120.

⁵⁴ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/52/10)*, пункт 196.

одностороннем порядке каким-либо государством. В этой связи интересно напомнить о том, что было сказано юриконсультom федерального департамента иностранных дел Швейцарии при рассмотрении вопроса об односторонних юридических актах: «... односторонние заявления государства обязывают это государство в той степени, в какой оно намеревалось взять на себя юридические обязательства, и при том условии, что другие заинтересованные государства знают об этом обязательстве»⁵⁵.

79. Именно поэтому в определении, которое содержится в этом третьем докладе, уточняется: «о котором известно этому государству или этой международной организации», — и это, несомненно, в большей степени согласуется с необходимостью того, чтобы акт был предан гласности и был известен по крайней мере адресату. Критерий гласности был включен в данное ранее определение, как указывалось самим Специальным докладчиком при представлении второго доклада, «в связи с государством, в отношении которого направлен данный акт, которое должно знать об этом акте, с тем чтобы акт вызвал последствия»⁵⁶.

В. Новый проект статьи 1: Определение одностороннего акта

80. С учетом вышесказанного Специальный докладчик предлагает следующую формулировку статьи 1, которая заменяет ранее существовавший проект статьи 2:

Статья 1 Определение одностороннего акта

Для целей настоящих статей под односторонним актом государства понимается недвусмысленное волеизъявление государства, сформулированное с намерением вызвать правовые последствия в его отношениях с одним или несколькими государствами либо одной или несколькими международными

организациями, о котором известно этому государству или этой международной организации.

III. Снятие предыдущего проекта статьи 1, озаглавленного «Сфера применения проекта статей»

81. Сейчас следует рассмотреть два вопроса, которые были поставлены в начале настоящего доклада: во-первых, есть ли необходимость в каком-либо положении, уточняющем сферу действия проекта, и, с другой стороны, есть ли необходимость включать какое-либо положение, основанное на статье 3 Венской конвенции 1969 года.

82. Что касается первого вопроса, то из заявлений некоторых членов Комиссии и представителей правительств становится ясно, что они выступают за снятие проекта статьи 1, изложенного во втором докладе, и его объединение со статьей 2⁵⁷, хотя указывалось также и на то, что проекты статей 1 и 2 являются взаимодополняющими и что их формулировка должна быть абсолютно последовательной.

83. Венская конвенция 1969 года касается только соглашений, заключенных между государствами в письменной форме, как это следует из определения, данного в статье 2.1(а) Конвенции, и сфера ее действия охватывает только договоры, соответствующие такому определению.

84. Если говорить об односторонних актах, то данный проект касается гораздо более широкой категории актов, которая, как представляется, охватывается определением, содержащимся в проекте статьи 1, и это, по-видимому, исключает рассмотрение других актов, отличных от вышеуказанных, о чем пойдет речь ниже, когда будет рассматриваться вопрос о целесообразности включения положения, основанного на статье 3 Венской конвенции 1969 года.

85. Если можно сделать вывод о том, что сфера применения проекта статей четко ограничивается в новом проекте статьи 1 и что этот проект применяется исключительно к односторонним

⁵⁵ L. Caflisch «La pratique suisse en matière de droit international en 1995», *Revue Suisse de droit international et de droit europeen*, 4/1996, pág. 596.

⁵⁶ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/54/10), пункт 574.

⁵⁷ Там же, пункт 548.

актам государства, которые формулируются с намерением вызвать правовые последствия на международном уровне, то включение конкретной статьи для определения сферы применения, так, как это предлагалось во втором докладе, представляется ненужным, и тем самым мы отдаляемся от Венской конвенции 1969 года.

IV. Целесообразность включения в проект статьи, основанной на статье 3 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров

86. С другой стороны, следует также рассмотреть вопрос о том, есть ли необходимость включать какое-либо положение, основанное на статье 3 Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров, которая касается юридической силы и норм международного права, применимых к международным соглашениям, не входящим в сферу применения Конвенции.

87. Несомненно, ситуация, возникающая в контексте Венской конвенции 1969 года, как уже указывалось ранее, отличается от той, которая существует в связи с односторонними актами государств, и по этой причине представляется целесообразным отойти от Конвенции 1969 года.

88. По сути дела, Венская конвенция 1969 года касается международных договоров, определенных в ее статье 1, но одновременно с этим в ней признается, что существуют и другие соглашения, отличные от письменных соглашений, которые могут оставаться вне сферы применения Конвенции, и именно по этой причине в Конвенцию включена статья 3.

89. Если говорить об односторонних актах, то, хотя этот вопрос и был поставлен одним из членов Комиссии, представляется ненужным включать какую-либо статью на этот счет, поскольку в данном проекте идет речь об односторонних актах, а этот термин достаточно широк, чтобы охватывать все виды одностороннего волеизъявления, сформулированного государством; ситуация была бы иной, если бы в проекте шла речь об одностороннем заявлении — этот термин не был принят большинством членов Комиссии и считался

гораздо более ограничительным, — поскольку в этом случае за пределами сферы применения могли бы оставаться некоторые другие односторонние акты, отличные от заявления.

90. Эта оценка совпадает с выражавшимися большинством членов Комиссии мнениями в отношении того, что односторонний акт должен рассматриваться главным образом как материальный акт, а не как формальный акт, поскольку в последнем случае работа велась бы вокруг заявления.

V. Правоспособность государства формулировать односторонние акты

A. Замечания Специального докладчика

91. Статья 3 проекта статей, содержащаяся во втором докладе, сохранена в своей сути и близка к Венской конвенции 1969 года. Вместе с тем редакционные предложения, высказанные членами Комиссии, были должным образом учтены при выработке нового текста.

B. Новый проект статьи 2: Правоспособность государства формулировать односторонние акты

92. Следовательно, Специальный докладчик предлагает следующий текст статьи:

Статья 2 Правоспособность государства формулировать односторонние акты

Каждое государство обладает правоспособностью формулировать односторонние акты.

VI. Лица, правомочные совершать односторонние акты от имени государства

A. Замечания Специального докладчика

93. Во втором докладе, представленном в 1999 году, был предложен проект статьи, касающейся «представителей государства, уполномоченных выступать от его имени» и принимать обязательства на международном уровне путем формулирования односторонних актов.

94. Как было указано в этом докладе, «при разработке этой статьи ... необходимо следовать структуре статьи 7 Венской конвенции о праве международных договоров, но с некоторыми особенностями, на которых нужно остановиться более подробно»⁵⁸. По этой причине указанная статья Венской конвенции 1969 года была в своей сути повторена, но в ней соответствующие правомочия были распространены на других лиц, которые могут действовать от имени государства в определенных областях их компетенции путем формулирования односторонних актов.

95. В рамках положения, регулирующего правомочия лиц, которые могут выступать от имени государства и принимать от его имени обязательства на международном уровне в контексте односторонних актов, возникает вопрос, должно ли это положение ограничиваться главой государства, главой правительства и министром иностранных дел или же оно должно также распространяться на глав дипломатических представительств, представителей на международной конференции и других уполномоченных на это лиц, равно как и лиц, которые, как считается, могут действовать от имени государства в соответствии с установившейся практикой и иными обстоятельствами.

96. В ходе состоявшихся в Комиссии обсуждений проекта статьи 4, предложенного Специальным докладчиком в его втором докладе, некоторые члены Комиссии отмечали, что она чересчур буквально следует статье 7 Венской конвенции о праве международных договоров и что ее содержание недостаточно подкрепляется практикой государств. Однако другие члены Комиссии считали, что в данном случае аналогия с Венской конвенцией полностью оправдана.

97. В этой связи указывалось на то, что круг лиц, формулирующих односторонние акты, на практике, как правило, является более широким, чем круг

лиц, уполномоченных заключать договоры, но что данный аспект надлежащим образом регулируется пунктом 2 предложенной статьи. По мнению одного из членов Комиссии, пункты 2 и 3 можно было бы снять, поскольку главы правительств и министры иностранных дел являются единственными лицами, уполномоченными в одностороннем порядке принимать международные обязательства от имени государства. В отношении пункта 3 предложенного тогда проекта статьи также высказывались сомнения в том, что главы дипломатических представительств или представители, аккредитованные государством на международной конференции или при международной организации, правомочны принимать от имени государства односторонние обязательства. Практика показывает, что такие правомочия обычно не включаются в круг полномочий этих лиц⁵⁹.

98. Что касается правомочий глав представительств и глав делегаций, то, как представляется, нет никаких сомнений в том, что они также могут действовать от имени государства, безусловно так, как это предусмотрено в Венской конвенции, т.е. в отношениях с аккредитуемым государством или же в рамках конференции или международного совещания.

99. Вместе с тем в Комиссии было указано на то, что глава делегации не может принимать обязательства от имени государства на конференции, и в этой связи был приведен практический пример, когда глава одной делегации на международной конференции принял обязательство, которое позднее было расценено как не имеющее обязательного характера для правительства соответствующей страны⁶⁰.

100. В связи с этим вопросом представляется важным провести различие между разнообразными видами заявлений, которые может формулировать государство через главу его делегации на международной конференции.

101. Некоторые заявления делаются в ходе еще не завершившихся переговоров, и, конечно же, нельзя считать, что они являются столь жесткими по своей сути, что государство не может изменить их или

⁵⁸ См. A/CN.4/500/Add.1, пункт 75.

⁵⁹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/54/10)*, пункты 550 и 551.

⁶⁰ Заявление г-на Катеки, A/CN.4/SR.2596, стр. 6.

впоследствии отказаться от них, как это, по-видимому, было в случае упоминавшегося выше заявления главы делегации Соединенных Штатов Америки на третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

102. Другие заявления, напротив, могут иметь иное значение, если государство формулирует их вне рамок идущих переговоров. В любом случае, как указывалось в Комиссии в прошлом году, международная конференция является весьма подходящим форумом для того, чтобы какое-то лицо формулировало односторонний акт от имени государства⁶¹.

103. В этих случаях, как представляется, государство может формулировать односторонний акт, и, если его намерение заключается в создании правовых обязательств для государства, его заявления должны вызывать правовые последствия. Это относится к односторонним заявлениям, которые формулируются в рамках конференций по объявлению взносов, на которых государства объявляют добровольные взносы, внесения которых могут потребовать их получатели; данный вопрос был также упомянут одним из членов Комиссии в ходе обсуждений в 1999 году⁶².

104. Возникает вопрос о том, являются ли односторонние акты, сформулированные каким-либо государством на конференции доноров, чисто политическими или же они носят юридически обязательный характер. Это относится к специальным конференциям, таким, как проведенная в Стокгольме в 1998 году конференция для изучения последствий урагана «Митч» в Центральной Америке. На этой конференции, равно как и на других совещаниях подобного рода, государства объявляют добровольные взносы, иногда обусловленные разработкой конкретных программ и планов в области развития. Может ли государство-автор противиться таким заявлениям? Обязано ли государство-заявитель выполнять свое обещание или предложение, объявленное на подобном официальном совещании высокого уровня? На практике не удалось установить случаев, когда государство, на которое направлено такое заявление, впоследствии требовало от государства-заявителя выполнения его обещания и

поэтому определить характер таких актов представляется сложным.

105. С другой стороны, во втором докладе, представленном Специальным докладчиком, затрагивается вопрос о том, должны ли такие правомочия предоставляться другим лицам, действующим от имени государства в определенных областях, например министрам по техническим вопросам, которые выполняют функции, в некоторых случаях имеющие отношение к внешним сношениям, причем этот вопрос все чаще возникает в международных отношениях.

106. В Шестом комитете указывалось, что пункт 3 статьи 4, предложенной Специальным докладчиком, возможно, не отражает практики государств. Лишь главы государств или правительств, министры иностранных дел или прямо уполномоченные должностные лица могли бы обязывать государство посредством односторонних актов. Эта международно-правовая норма в настоящее время полностью признана и имеет основополагающее значение. Поскольку современный мир характеризуется растущим многообразием связей и сношений между институтами и актов, совершаемых вне страны агентами государства, представляется важным точно знать, кто мог бы обязывать государство посредством заявления или одностороннего акта. Кроме того, заключение договора, т.е. документа, связанного с правами и обязанностями, требует представления полномочий, подписанных министром иностранных дел, если этот договор не заключается одним из трех вышеупомянутых лиц. Нетрудно понять, что должностное лицо даже самого высокого ранга не может создать международные обязательства для своего государства путем совершения одностороннего акта. Любое возможное добавление к этой установленной норме обычного права пришлось бы рассматривать с ограничительной точки зрения. Единственно правильным курсом является стремление к улучшению формулировки, представленной Специальным докладчиком, путем учета современных международных реалий⁶³.

107. Практика показывает, что помимо главы государства, главы правительства и министра иностранных дел некоторые другие лица выступают на международном уровне и достаточно часто

⁶¹ Заявление г-на Пелле, A/CN.4/SR. 2594, стр. 6.

⁶² См. заявление г-на Хафнера, A/CN.4/SR.2595, стр. 9.

⁶³ См. A/CN.4/504, пункт 149.

формулируют заявления в пределах сферы своей компетенции в отношениях с другими государствами.

108. Возникает вопрос о том, должны ли эти заявления регулироваться данным проектом статьи или же, напротив, они должны быть исключены из его сферы применения. Во втором случае представляется, что заявления некоторых лиц, действующих от имени государства, окажутся за пределами сферы применения проекта статей, что не способствует решению поставленной задачи — обеспечить международное доверие и правовую безопасность.

109. Безусловно, это — противоречивый вопрос. Вводится ли таким образом ограничительный критерий? Представляется, что в данном случае можно оставить открытой возможность регулирования таких актов проектом статьи.

110. По этой причине в проекте статьи, предложенном в этом третьем докладе, содержится второй пункт, в котором можно было бы отразить это соображение, оставив открытой — посредством широкого толкования — возможность того, что иные лица, помимо упомянутых в первом пункте, могут действовать от имени государства и принимать от его имени международные обязательства, если из практики и других обстоятельств следует, что они уполномочены делать это.

111. Как отмечалось в Комиссии, хотя круг лиц, которые формулируют односторонние акты, на практике является более широким, чем круг лиц, уполномоченных заключать договоры, этот аспект будет должным образом регулироваться пунктом 2 статьи, предлагаемой чуть ниже.

112. Другой вопрос, который необходимо рассмотреть в этом контексте, касается необходимости упоминания в проекте полномочий, как это делается в Венской конвенции 1969 года.

113. Включение положения такого рода не представляется необходимым. Уполномочивание лица или должностного лица вытекает из других актов и обстоятельств, которые не требуют предоставления полномочий по смыслу Венской конвенции 1969 года. Один из членов Комиссии указал на то, что «представляется затруднительным говорить о полномочиях, когда речь идет об

односторонних актах, которые никоим образом не касаются полномочий»⁶⁴.

114. И наконец, следует отметить, что некоторые члены Комиссии при обсуждении второго доклада указывали на то, что термин «уполномочивание»⁶⁵ является более предпочтительным, чем термин «санкционирование», и что, с другой стороны, слово «лицо» представляется более удачным, чем «представитель» в контексте пункта 2 предлагаемого проекта статьи, в связи с чем используются именно эти термины, которые, вне всяких сомнений, являются более подходящими.

В. Новый проект статьи 3: Лица, правомочные совершать односторонние акты от имени государства

115. Специальный докладчик предлагает следующую статью:

Статья 3 Лица, правомочные совершать односторонние акты от имени государства

1. Глава государства, глава правительства и министр иностранных дел считаются представителями государства в целях совершения односторонних актов от его имени.

2. Также считается, что лицо правомочно совершать односторонние акты от имени государства, если из практики соответствующих государств или иных обстоятельств следует, что эти государства намерены рассматривать такое лицо как правомочное действовать от его имени в этих целях.

⁶⁴ Г-н А. Пелле, A/CN.4/SR.2594, стр. 14.

⁶⁵ Г-н Памбу-Чивунда, A/CN.4/SR.2594, стр. 20.

VII. Последующее подтверждение акта, совершенного лицом, не имеющим на то полномочия

A. Замечания Специального докладчика

116. Во второй доклад по этой теме (1999 год) был включен проект статьи 5, касающийся последующего подтверждения акта в случаях, когда лицо, совершающее его, не имеет на то полномочия.

117. Возникают два различных вопроса в отношении необходимости включения положения такого рода. Во-первых, лицо может действовать от имени государства, не имея на то полномочия, и, во-вторых, лицо может действовать от имени государства, поскольку оно имеет на то полномочия, но либо такое лицо действует вне сферы предоставленных ему полномочий, либо его действия выходят за рамки таких полномочий. В обоих случаях государство может отвергнуть такой акт или считать себя несвязанным им либо подтвердить его впоследствии.

118. Согласно Венской конвенции, которая в принципе представляется применимой к данной ситуации, подтверждение акта может носить как эксплицитный, так и имплицитный характер. В предложенный на пятьдесят первой сессии проект было внесено изменение, которое мы считаем применимым к односторонним актам.

119. По сути дела, тогда предлагалось, чтобы подтверждение акта, в отличие от того, как это предусмотрено в Венской конвенции 1969 года, обязательно носило эксплицитный характер, что, как представляется, в большей мере соответствует ограничительному подходу, который необходим в контексте формулирования односторонних актов государства.

120. Если лицо, не имеющее надлежащих полномочий, совершает односторонний акт или формулирует его с превышением своих полномочий, государство может подтвердить этот акт, однако в случае односторонних актов, учитывая их особенности, подтверждение должно носить эксплицитный характер, хотя при этом понимается, что согласие в целом может быть выражено

посредством поведения или подтверждающих действий.

B. Новый проект статьи 4: Последующее подтверждение акта, совершенного лицом, не имеющим на то полномочия

121. С учетом вышесказанного Специальный докладчик предлагает следующий проект статьи:

Статья 4

Последующее подтверждение акта, совершенного лицом, не имеющим на то полномочия

Односторонний акт, совершенный лицом, которое, исходя из статьи 3, неправомочно действовать от имени государства, не вызывает правовых последствий, если только он прямо не подтвержден данным государством.

VIII. Снятие предыдущего проекта статьи 6, озаглавленного «Выражение согласия»

A. Целесообразность снятия этого проекта статьи

122. Еще один вопрос, который обсуждался в Комиссии на ее сессии в 1999 году, касался целесообразности включения положения о выражении согласия, о котором говорилось в проекте статьи 6, представленном во втором докладе Специального докладчика.

123. В Комиссии указывалось, что трудно говорить о согласии государства на то, чтобы быть связанным односторонним актом, поскольку этот аспект в большей мере относится к обычному праву⁶⁶, на что также указывал один из представителей в Шестом комитете: что касается возможных сфер, в которых положения, касающиеся договорного права, и положения, касающиеся односторонних актов, могут отличаться друг от друга, то в качестве примера была

⁶⁶ Г-н А. Пелле, A/CN.4/SR.2594, стр. 14.

приведена статья 6 о выражении согласия—эта фраза взята из Венской конвенции о праве международных договоров, — в которой четко не

указывается, что именно является преднамеренным в одностороннем акте⁶⁷.

124. Некоторые члены Комиссии указывали на то, что это положение можно исключить, хотя высказывались мнения и о том, что его следует сохранить, сопроводив отдельными комментариями.

125. Если считать, что статьи 3 и 4 могут должным образом охватывать выражение согласия, то необходимость в специальном положении о волеизъявлении или выражении согласия отпадает. Безусловно, следует исходить из того, что изъятие воли государства в отношении принятия на себя международно-правовых обязательств происходит в момент формулирования акта, и этот вопрос также регулируется конкретным положением, которое рассматривается во второй части настоящего проекта.

В. Молчаливое согласие и односторонние акты

126. Хотя такое положение можно было бы исключить, следует вкратце остановиться на двух вопросах, затронутых в ходе обсуждения этой темы в Комиссии в 1999 году, в частности на вопросе о молчаливом согласии, который не учитывался при разработке проекта статьи 6, содержащегося во втором докладе, и на вопросе о консенсуальной связи, возникающей тогда, когда односторонний акт вызывает правовые последствия.

127. В этой связи следует отметить, что, как указывалось в первом докладе, молчаливое согласие не является правовым актом в строгом смысле этого термина, хотя, безусловно, нельзя отрицать те правовые последствия, которые оно может порождать. Один из членов Комиссии, поддерживая точку зрения Специального докладчика, также указал на то, что молчаливое согласие не является в строгом смысле правовым актом, хотя и влечет за собой правовые последствия. Ему недостает элемента умысла⁶⁸. Ряд представителей в Шестом комитете высказали аналогичную точку зрения⁶⁹.

⁶⁷ Представитель Аргентины, A/C.6/SR.25.

⁶⁸ Г-н Катек, A/CN.4/SR.2596, стр. 13.

⁶⁹ См. выступление представителя Швейцарии, которое воспроизводится в *Annuaire suisse de droit*

128. В связи с молчаливым согласием и совершением одностороннего акта возникает важный вопрос, касающийся анализа молчаливого согласия с материально-правовой точки зрения. В более конкретном плане необходимо задаться вопросом о том, может ли государство формулировать односторонний акт путем молчаливого согласия.

129. Из анализа каждого из этих материально-правовых актов мы можем сделать вывод о том, что в случае обещания, например, представляется невозможным, чтобы государство могло обещать или же предлагать что-либо путем молчаливого согласия. То же самое можно сказать об объявлении войны, прекращении военных действий или объявлении нейтралитета.

130. В отличие от этого в случаях отказа, протеста или признания можно предположить, что государство, очевидно, может путем молчаливого согласия совершить правовой акт. Таким является, например, случай с признанием государством статуса комбатантов за какой-либо вооруженной группировкой во время конфликта, что может быть сделано путем молчаливого согласия. То же самое можно сказать в отношении протеста и в меньшей степени в отношении отказа. Но независимо от этого следует, с другой стороны, также задаться вопросом о том, связано ли такое поведение, которое, безусловно, порождает правовые последствия, с предыдущим актом и можно ли его в силу этого считать правовым актом, относящимся к категории односторонних актов, изучением которых мы занимаемся в настоящее время.

131. На наш взгляд, молчаливое согласие не может быть проявлением независимой воли, поскольку оно представляет собой ответную реакцию на тот или иной более ранний акт или существовавшую ранее ситуацию, что уводит нас в сторону от рассматриваемой концепции односторонних актов, которая должна стать предметом соответствующих норм, разрабатываемых с целью регулирования их функционирования.

132. С другой стороны, в Комиссии указывалось, что любой односторонний акт, порождающий те или иные последствия, создает двустороннюю

связь, что само по себе является важным вопросом, имеющим отношение, как будет показано ниже, к изменению, отмене или приостановлению последствий одностороннего акта.

133. Как указывалось в предыдущих докладах, несмотря на односторонний характер формулирования акта, его правовые последствия должны, безусловно, проявляться в рамках отношений, которые выходят за рамки односторонних и приобретают, таким образом, двусторонний характер, что само по себе не может означать, что такой акт относится к сфере обычного права.

IX. Недействительность одностороннего акта

A. Замечания Специального докладчика

134. Во втором докладе содержался проект статьи 7 относительно недействительности одностороннего акта, по поводу которого высказывались комментарии как в Комиссии, так и в Шестом комитете. В то время некоторые говорили о том, что не следует столь буквально следовать Венской конвенции 1969 года, а другие, напротив, указывали, что представляется целесообразным следовать нормам, предусмотренным в этой Конвенции.

135. На наш взгляд, параллелизм с Венской конвенцией 1969 года в данном случае является оправданным. Причины недействительности акта в целом схожи с теми причинами, которые могут приводиться в отношении договора, как на это справедливо указал один из представителей в Шестом комитете, заявивший, что проект статьи 7 о недействительности односторонних актов должен в большей мере следовать соответствующему положению Венской конвенции. Поскольку и согласие на обязательный характер договора, и согласие на обязательный характер одностороннего обязательства являются волеизъявлениями государства, представляется логичным применять к обоим видам заявлений аналогичные основания недействительности⁷⁰. Безусловно, односторонний

international et europeen, pratique suisse, par. L. Caflisch, 4/5/99, pág. 651.

⁷⁰ См. выступление представителя Польши, A/C.6/54/SR.25.

акт, равно как и договор, может быть объявлен недействительным, если волеизъявление является юридически порочным.

136. Конечно же, особый характер односторонних актов и развитие международных отношений и международного права открывают возможности для возникновения таких оснований, которые не предусмотрены в соответствующей статье Венской конвенции 1969 года, например, связанных с нарушением односторонним актом решения Совета Безопасности — этот вопрос будет рассмотрен ниже.

137. При рассмотрении предыдущего проекта статьи 7 некоторые члены Комиссии указывали, что в любом случае предпочтительно отделить основания недействительности и разработать отдельные статьи, придерживаясь структуры Венской конвенции 1969 года, однако этот вопрос сейчас не рассматривается, поскольку мы считаем, что он носит в большей степени редакционный характер.

138. Возвращаясь к рассмотрению каждого из оснований, которые приводятся в проекте статьи, мы прежде всего хотели бы отметить пункт 1, касающийся ошибки, в отношении которого в Комиссии указывалось, что он не может применяться так же, как в праве международных договоров. Прозвучало мнение о том, что ошибку, касающуюся факта, легче исправить, чем ошибку, совершенную государством при принятии текста договора.

139. Ошибка, как известно, рассматривалась международными трибуналами, в частности Постоянной Палатой Международного Правосудия и Международным Судом в ряде дел, например, в делах о *Восточной Гренландии* и о *храме Преа Вихеар*, в деле *Мавромматиса* и в других делах⁷¹.

140. Возникает вопрос о том, применяется ли основание недействительности в связи с ошибкой, касающейся, безусловно, существа, а не изъясления согласия, к односторонним актам таким же образом, как и в праве международных договоров. Если в договорном праве возможна односторонняя ошибка, то, по-видимому, нет никаких оснований отрицать,

что то же самое возможно и в контексте односторонних актов.

141. Государство, безусловно, может выражать свою волю на основе ошибки, и это является одним из оснований недействительности, оправданным в данном контексте, хотя в некоторых обстоятельствах ссылка на ошибку не допускается, как это было указано Международным Судом в деле о *храме Преа Вихеар*, когда он отверг аргументацию Сиам: «... в соответствии с установившейся нормой права сторона не может ссылаться на ошибку в качестве порока согласия, если она способствовала возникновению этой ошибки своим собственным поведением, если она могла избежать ее или если обстоятельства были таковыми, что она должна была бы обратить внимание на возможность ошибки»⁷².

142. Высказывались некоторые сомнения в отношении обманных действий, о которых говорится в пункте 2 прежней статьи 7, поскольку «это положение может идти вразрез определенным принятым направлениям, в соответствии с которыми государство проводило свою внешнюю политику и убедило другие государства присоединиться к этой политике»⁷³.

143. Было сочтено целесообразным сохранить это основание недействительности, которое применяется в контексте права международных договоров, поскольку общепринятая практика государств, как представляется, не сводится к тому, чтобы побуждать другие государства принимать на себя определенные обязательства, основанные на обмане. Политика, безусловно, бывает различной, однако заявление такого рода не соответствует действительности. Общепринятая практика в этой связи может изменить международные отношения и сказаться на необходимом доверии и транспарентности в отношениях между государствами.

144. Безусловно, на практике вряд ли можно найти примеры акта, который мог бы быть аннулирован по причине обманных действий, за исключением договора Уэбстера-Ашбертона 1842 года, касающегося северо-восточной границы между

⁷¹ См. *C.P.J.I., Serie A/B*, No. 53; *C.I.J., Recueil* 1962 и *C.P.J.I., Serie A*, № 11.

⁷² *C.I.J., Recueil* 1962, pág. 26.

⁷³ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/54/10)*, пункт 555.

Соединенными Штатами и Канадой. В этом случае «Соединенные Штаты скрыли факт существования карты в условиях, когда с трудом можно было утверждать, что они были обязаны с юридической точки зрения сообщить о ней, и Великобритания не настаивала на том, что такое сокрытие является обманом»⁷⁴. Тем не менее, было решено сохранить это основание в проекте статей.

145. В пункте 3 содержится указание на подкуп лица, формулирующего односторонний акт от имени государства. Подкуп, к сожалению, является широко распространенной международной практикой, хотя она и осуждается всем международным сообществом, которое прилагает весьма серьезные усилия для борьбы с ней посредством принятия правовых документов, таких, как принятая в Каракасе Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией.

146. Включение пункта, касающегося подкупа в контексте односторонних актов в качестве основания их недействительности, по-прежнему считается необходимым, и поэтому он будет сохранен с небольшими изменениями редакционного характера с учетом высказанных замечаний и комментариев.

147. В пункте 4 прежней статьи 7 речь идет о принуждении лица, формулирующего односторонний акт, и это положение схоже со статьей 51 Венской конвенции 1969 года. Из практики известны примеры принуждения представителей государства в ходе переговоров с целью заключения какого-либо договора.

148. Также было сохранено основание недействительности, связанное с угрозой силой или с применением силы в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций, как это предусмотрено в статье 52 Венской конвенции 1969 года.

149. Как известно, применение силы, допускавшееся в эпоху, предшествовавшую возникновению Лиги Наций, было запрещено международным правом, особенно после заключения Пакта Бриана-Келлога, который лежит в основе Устава Организации Объединенных Наций

и который был подтвержден последующими резолюциями и декларациями, такими, как Манильская декларация о мирном урегулировании международных споров, а сегодня этот запрет подкрепляется всей международной доктриной.

150. Односторонний акт, противоречащий этим принципам, главным образом тем, которые изложены в Уставе Организации Объединенных Наций, и, в более конкретном плане, обязательству, содержащемуся в пункте 4 статьи 2 Устава, являющемуся для многих императивной нормой *jus cogens*, является *nulo ab initio*.

151. В пункте 6 прежней статьи 7 излагалось еще одно основание недействительности, связанное с тем, что односторонний акт противоречит императивной норме международного права; этот вопрос возник в 1966 году в Комиссии международного права и вызвал интересные обсуждения на Венской конференции 1968/69 годов. Безусловно, в отношении этих норм существуют самые различные точки зрения, и свидетельством этого является то, что на указанной Конференции так и не было выработано определенной позиции в этом вопросе.

152. На прошлой сессии один из членов Комиссии указал на то, что такая норма должна применяться более гибко в случае односторонних актов. Возникает вопрос о том, каким образом и как можно обеспечить большую гибкость такого положения. Формулировка нормы, связанной с таким основанием недействительности, не может быть оторвана от формулировки Венской конвенции, которая стала результатом интенсивных переговоров, хотя, как отмечалось выше, такие императивные нормы не получили определения в Конвенции. Попытка придать им большую гибкость может привести к возобновлению прений по вопросу, который по-прежнему вызывает разногласия в международном праве, в связи с чем на данный момент представляется целесообразным сохранить это положение в прежних формулировках.

153. В пункте 7 прежней статьи 7 говорится о недействительности одностороннего акта, выраженного в явное нарушение имеющей основополагающее значение нормы внутреннего права государства, которое формулирует такой акт. Это основание самым тесным образом связано с

⁷⁴ Ежегодник ... 1963 год, том II, документ A/CN.4/456 и Add.1-3, пункт (1) комментария к статье 7, стр. 49.

вопросом об уполномочивании лица, формулирующего акт, о чем мы говорили выше.

154. Акт, сформулированный не уполномоченным на то лицом, является недействительным, если впоследствии он не подтверждается государством.

155. На прошлой сессии Комиссии возник вопрос о недействительности одностороннего акта, противоречащего резолюции Совета Безопасности, особенно в контексте главы VII Устава, и этого вопроса касались другие члены Комиссии и некоторые представители в Шестом комитете.

156. Представляется весьма разумным предложение одного из членов Комиссии включить в число оснований недействительности то, что односторонний акт противоречит решению Совета Безопасности. Этот член Комиссии указал тогда, что статья 7 должна включать упоминание резолюций Совета Безопасности среди факторов, на которые можно ссылаться для объявления одностороннего акта недействительным. Например, если государство выступает с заявлением, противоречащим резолюции Совета Безопасности, особенно на основании главы VII Устава, в которой содержится призыв к государствам-членам не признавать то или иное конкретное образование в качестве государства, можно утверждать, что такой односторонний акт является недействительным⁷⁵, и эту точку зрения поддержал один из представителей в Шестом комитете, заявивший, что односторонние акты, сформулированные в нарушение той или иной резолюции Совета Безопасности, принятой на основании главы VII Устава, должны являться недействительными⁷⁶.

157. В этой связи было сочтено целесообразным включить в проект статьи о недействительности односторонних актов основание, связанное с противоречием какого-либо одностороннего акта резолюции или, точнее, решению Совета Безопасности, что, на наш взгляд, является более подходящим термином с точки зрения его правового анализа, и эту же точку зрения также выразил один из членов Комиссии, который в прошлом году указал на еще одно основание недействительности, а именно, коллизию между односторонним актом и

решениями Совета Безопасности. Речь, безусловно, идет об обязательных решениях этого органа⁷⁷.

158. При разработке этого нового пункта было сочтено необходимым уточнить, что речь идет именно о решениях, тем самым отделив их от рекомендаций Совета Безопасности, но при этом не делать прямой ссылки на главу VII, поскольку Совет может также принимать решения на основании главы VI.

159. Статья 25 Устава наделяет Совет Безопасности полномочием принимать решения, поскольку в ней указывается, что «члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их». Совет Безопасности может принимать резолюции рекомендательного характера на основании как главы VI, так и главы VII, однако и в том и в другом случае он может также принимать решения.

160. Что касается главы VI, то, хотя в принципе Совет Безопасности может принимать обязательные резолюции или решения с юридической точки зрения, например резолюции и решения, принимаемые на основании статьи 34 Устава, касающейся расследования⁷⁸, он также обладает полномочиями принимать решения на основании главы VII, например, решения, принимаемые в порядке осуществления статей 41 и 42⁷⁹, что четко вытекает из самой формулировки этих положений.

161. Безусловно, речь должна идти о решениях Совета Безопасности, а не об иных актах, таких, как рекомендации, которые не имеют обязательного характера с юридической точки зрения. В качестве примера можно привести резолюции, принятые Советом по Ираку, в частности резолюции 660 (1990) и 661 (1990), в которых содержатся «широкие и обязательные санкции» в соответствии с главой VII, причем здесь следует также отметить, что этот термин не используется в Уставе, в котором используется термин «меры».

162. Коллективная безопасность, как она предусмотрена в Уставе, — это вопрос,

⁷⁵ Г-н Дугар, A/CN.4/SR.2595, стр. 2.

⁷⁶ См. выступление представителя Польши в Шестом комитете, A/C.6/54/SR.25.

⁷⁷ Г-н Катека, A/CN.4/SR.2596, стр. 12.

⁷⁸ Lino Di Qual, *Les effets des résolutions des Nations Unies* (Paris, LGDJ, 1967), págs. 81 et seq.

⁷⁹ Goodrich et Hambro, "Commentaire de la Charte des Nations Unies", цитируется по Di Qual, *op. cit.* (примечание 78 *supra*), pág. 275.

вызывающий всеобщий интерес, в основе которого лежат следующие две группы статей Устава: пункты 3 и 4 статьи 2 и статья 51, с одной стороны, и статьи 41 и 42, с другой, причем в последних двух говорится о мерах коллективного характера. Такая постановка вопроса отражает важность решений Совета Безопасности, касающихся поддержания и восстановления международного мира и безопасности, и служит обоснованием того, что односторонние акты, сформулированные государством в их нарушение, являются недействительными.

163. И наконец, на прошлой сессии Комиссии было высказано мнение в отношении недействительности одностороннего акта, противоречащего какой-либо норме общего международного права. Один из членов Комиссии указал на то, что он не может согласиться с тем, что односторонний акт не может являться отходом от обычного права. Такой акт не может иметь правовых последствий, если он не был принят государствами, которым он был адресован. Проблема заключается скорее в правовых последствиях, чем в недействительности, поскольку государства могут по договоренности отступать от норм обычного права. По его мнению, нет никаких причин, препятствующих государству-заявителю обращаться с каким-либо предложением к своим партнерам по договору, а тем более выступать с односторонним заявлением, предусматривающим продление или расширение его обязательств в соответствии с указанной нормой обычного права⁸⁰.

164. Односторонний акт, противоречащий норме общего международного права, может быть объявлен недействительным, если он не признается государством или государствами, для которых он предназначен. В этой связи важным примером является односторонний акт, сформулированный Соединенными Штатами в 1945 году в отношении расширения континентального шельфа и известный как заявление Трумэна.

165. Этим актом была определена важная норма в формировании международного морского права, и, хотя она не согласовалась с существовавшей до этого нормой обычного права, она оказала определяющее влияние на выработку новой нормы, когда государства ее приняли и позднее отразили в конвенциях по морскому праву.

166. Было сочтено нецелесообразным включать норму такого рода в качестве основания недействительности, поскольку, по сути дела, акт, противоречащий норме общего международного права, не является недействительным, если заинтересованные или затрагиваемые им государства соглашаются с тем, что, хотя он и не соответствует действующей норме общего международного права, он вписывается в рамки процесса формирования новой нормы обычного права, которая не отвергается государствами и не порождает протестов.

В. Новый проект статьи 5: Недействительность одностороннего акта

167. С учетом вышесказанного Специальный докладчик предлагает следующую статью:

Статья 5 Недействительность одностороннего акта

Государство вправе ссылаться на недействительность одностороннего акта, если:

1. акт был сформулирован на основе ошибки, касающейся факта или ситуации, которые, по предположению этого государства, существовали в момент его формулирования, и такой факт или такая ситуация представляли собой существенную основу для его согласия на обязательность для него данного акта. Вышесказанное не применяется, если государство своим поведением способствовало возникновению этой ошибки или если обстоятельства были таковы, что это государство должно было обратить внимание на возможность ошибки;

2. государство сформулировало такой акт под воздействием обманных действий другого государства;

3. акт был сформулирован в результате прямого или косвенного подкупа совершающего его лица другим государством;

4. формулирование акта явилось результатом принуждения совершающего его

⁸⁰ Заявление г-на Пелле, A/CN.4/SR.2593, стр. 17.

лица в виде действий или угроз, направленных против него;

5. формулирование акта явилось результатом угрозы силой или применения силы в нарушение принципов международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций;

6. односторонний акт в момент его формулирования противоречит императивной норме международного права;

7. односторонний акт в момент его формулирования противоречит решению Совета Безопасности;

8. односторонний акт формулируется в нарушение нормы внутреннего права формулирующего его государства, имеющей основополагающее значение.
